

Отзыв

официального оппонента на диссертацию

Мязина Николая Александровича

«Исламское сообщество и исламизм в Англии в конце XX – начале XXI вв. как факторы трансформации британских правых движений от неофашизма к антиджихадизму», представленной на соискание учёной степени
кандидата исторических наук по специальности

07.00.03 – Всеобщая история

Обращение автора к теме влияния и роли исламских диаспор Англии на политическую жизнь ее правых движений и организаций само по себе вызывает уважение, поскольку это влечет за собой изучение широкого круга научных проблем, связанных с философским осмыслением бытия мусульман Англии, а также конкретно-историческим исследованием каждой из мусульманских диаспор, реакцией политических организаций правового спектра сил титульного этноса на растущий потенциал политического влияния этих организаций. Более того, автор диссертации заявляет предметом своего исследования трансформацию правых движений Англии под воздействием фактора исламизма, что вынуждает его выходить за установленные хронологические и страновые рамки.

Актуальность заявленной темы не вызывает сомнения и лишь подтверждается прошедшими 25 мая сего года выборами в Европарламент, главным итогом которых стало существенное увеличение представительства в нем правых партий и движений. На наш взгляд, актуализация темы усиливается также отношением части маститых политиков старой Европы к событиям на Украине, которые под давлением США встали на путь поддержки не просто правых сил, но откровенно фашистующих нацистов, вылезших из подворотен городов Западной Украины.

Хронологические рамки исследования определены автором диссертации с начала 90-х гг. ХХв. по 2013 г. Диссертант объясняет

начальный рубеж выходом ислама на первое место в качестве признака самоидентификации британских мусульман (с. 6). Это положение обосновывается в первом параграфе второй главы, занявшем две с небольшим страницы (с. 65 - 68). На наш взгляд, обоснование нижней хронологической рамки могло бы быть более убедительным и можно было бы порассуждать и о других факторах, о которых мы скажем ниже, которые вовсе не опровергают, а наоборот, усиливают обоснованность определенного автором начального хронологического рубежа.

Территориальные границы исследования ограничены пределами одной страны – Англии, хотя, как известно, не менее мощные исламские диаспоры сложились в Германии, Франции, Норвегии и Швеции. Автор объясняет свой территориальный выбор тем, что в отличие от большинства европейских стран, в Англии есть достоверные данные о численности и географии расселения мусульман (с. 31), что является не совсем верным. В настоящее время статистический материал об исламских диаспорах Европы доступен исследователю и достаточно репрезентативен. Исключение составляет Россия, в которой работы об исламе и мусульманах стали выходить только в 90-е гг. Убедительнее было бы утверждение, что в Англии гораздо раньше, чем в других европейских странах сложилась исламская диаспора. Ее первая волна обосновалась в крупных портовых городах таких, как Ливерпуль и Кардифф, еще в 80-е гг. XIX в. Это были моряки, выходцы из Йемена, точнее Адена и Бенгалии. В след за первой последовала вторая волна, эпицентром которой была колонизированная Англией Индия.

Следует подчеркнуть, что диссертация Н.А. Мязина по проблематике выходит на предметное поле междисциплинарных исследований, предполагает использование методологического инструментария других дисциплин, в первую очередь, geopolитики, политологии и социологии. Вместе с тем, по нашему мнению, автору удалось остаться в рамках исторических исследований и лишь продемонстрировать, что исследование

проблем такого рода невозможно без теоретических заимствований из смежных гуманитарных дисциплин.

Представленное к защите исследование демонстрирует владение его автором различными методологическими приемами. Во введении он скромно перечисляет используемые им методы; они традиционны: историзм, научная объективность, сравнительно-исторический и историко-генетический методы, статистический анализ. Все это действительно имеет место быть, однако, на наш взгляд, главным все-таки является метод структурного анализа. В рамках этого анализа исследуются отдельные политические структуры, устанавливаются их связи и определяются интегративные свойства объекта исследования, что позволяет автору диссертации успешно решать поставленные исследовательские задачи. Автор пропустил через свою аналитическую лабораторию десятки исламских, а также правых партий, организаций и движений Англии, изучил их состав, программы, деятельность, систематизировал и вынес в приложения (их несколько) их электоральные предпочтения, вооруженные и мирные акции этих организаций, составил их календарный список с 2008 г. по 2013 г. В этой связи вызывает одобрение научная добросовестность докторанта, сумевшего отсеять суетное и зафиксировать значимое.

Научная новизна работы определена самим автором, он указывает на отсутствие работ в отечественной историографии по правым и ультраправым партиям, организациям и движениям Англии, отмечает фрагментарный характер исследований по исламизму как идеиному течению среди мусульманской диаспоры этой страны. В перечень проблем, изучение которых, безусловно, прибавляет научное знание, можно отнести исламские организации современной Англии и их участие в межэтнических конфликтах, характер исламизма и джихадизма исламских организаций Европы, неофашизм молодежных организаций, влияние исламизма и джихадизма на идеологию и практику правых и ультраправых группировок

титульного этноса. Анализ этих проблем распределен по всем главам и таким образом каждая из них добавляет новые знания.

Нельзя не отметить масштабную работу, которую провел автор по сбору, систематизации и изучению историографии проблемы и ее источников базы. Уважаемые коллеги, перед Вами работа, автор которой воздал должное своим предшественникам, собрав и обобщив то, что было сделано до него в отечественной историографии, тщательно переработал то, что было издано в англо-американской историографии и это отражено на каждой странице диссертации. Впечатляющим является список источников, характеристика которых дана во введении. Они систематизированы и разбиты на 11 групп и включают материалы на бумажных и электронных носителях, авторские сайты и блоги, программы, законодательные акты, решения съездов и совещаний, политические заявления и декларации, авторские работы лидеров и идеологов партий и организаций, статьи, фото и видеоматериалы и даже песни.

При беглом знакомстве с диссертацией возникает ощущение того, что она перегружена ссылками. Однако внимательное ее прочтение это ощущение снимает и приходит понимание научной добросовестности автора. Конечно, более опытный исследователь сгруппировал бы кое-что и опустил бы часть ссылок, но, как известно, понимание достаточности материала приходит с опытом научной работы и оно индивидуально и часто спорно.

Структура диссертационной работы несколько отличается от традиционной: помимо введения, четырех глав, заключения и списка литературы, диссертация снабжена глоссарием, списком сокращений, приложениями.

Во введении вполне убедительно обоснована актуальность заявленной автором темы исследования, достаточно четко сформулирована цель и обозначены задачи, логика ранжированности которых не вызывает возражения. Определены также объект исследования и его предмет. Четыре главы последовательно раскрывают поставленные задачи, а в заключении

даны выводы к которым пришел автор, реализуя поставленную цель и задачи. Глоссарий и список принятых сокращений облегчают работу с текстом диссертации, а приложения, занимающие 43 страницы текста снабжены собственным научным аппаратом, что доводит общее число ссылок и пояснений до 920 позиций.

Композиция работы обусловлена стремлением автора охватить и изучать все исламские и праворадикальные организации Англии, что побудило его размещать материал по главам таким образом, чтобы он «работал» только на раскрытие проблемы главы. Очевидно, в силу этого, автору не удалось избежать перекосов в объеме глав. Так, например, вторая глава значительно меньше по объему трех остальных. В тоже время не выделить проблематику этой главы в самостоятельный предмет исследования, автор не мог.

Автор использует как дедуктивный, так и индуктивный методы, что, конечно же, имеет свое логическое обоснование. Основная часть диссертации представляет четыре взаимосвязанные между собой исследовательскими задачами главы.

Первая глава посвящена изучению географии размещения мусульманских мухаджиров на территории Англии, характеристике их сообществ и их участию в политической жизни, в том числе в межэтнических конфликтах. Поскольку по законам Англии перепись населения проводится раз в 10 лет, то вся статистика датирована 11 годом – ближайшей к нашему времени последней переписью населения. Официальным переписям населения Англии можно вполне доверять, так как английское законодательство строго карает за уклонение от нее, или подачу заведомо ложной информации. Грамотное применение различных исследовательских методов позволило диссидентанту дать яркую картину структуры и жизни мусульманских диаспор Англии. В каждой из них, будь то бенгальская, турецкая, пакистанская и так далее, он попытался определить частное и найти нечто общее. В итоге перед читателем диссертации предстает сложная

мозаика диаспор, каждая из которых занимает определенное место в экономической жизни Англии, и вполне определенно характеризуется титульным этносом. Анализируя динамику роста мусульманских диаспор диссертант заключает, что к 2030 г. следует ожидать появления в Англии городов, в которых доля мусульман достигнет 50 %. На наш взгляд, такое предположение является спорным.

Во-первых, динамика роста численности мигрантов в 21 в. снижается по ряду причин:

а) потребность в трудовой замещающей миграции из исламского мира снизилась по двум причинам:

- расширение Евросоюза на Восток сопровождалось мощным притоком мигрантов из стран Восточной Европы;

- перевод промышленного производства в Европе на хайтековые технологии резко снижает потребность в рабочей силе как таковой.

Во-вторых, завершилось воссоединение семей мусульман, а обращение в ислам представителей христианского вероисповедания пошло на убыль и рост численности конвертитов, наблюдавшийся в конце XX в., существенно замедлился. Численность этой части мусульман поддерживается за счет женщин, вступающих в браки с мусульманами. Но догматика ислама позволяет мусульманину жениться на иноверке и не побуждать ее переходить в ислам.

В-третьих, европейские страны ужесточают законодательство против мигрантов, особенно мусульман, в том числе и по той причине, что современный международный терроризм по умолчанию связывают с исламом.

В-четвертых, часть молодого поколения мусульманских диаспор Европы отходит от религии отцов, в том числе и по меркантильным соображениям.

В-пятых, бремя социальных расходов, связанных с приемом мигрантов из мусульманского Востока, стало слишком обременительным для стран Евросоюза и они уже принимают меры к ограничению въезда мигрантов.

Наконец, у мусульман мигрантов появился мощный конкурент – китайцы. Китай последние два десятилетия на государственном уровне увязывает заключаемые с ним торгово-экономические соглашения со свободой трудовой миграции. В отличие от мусульман китайцы – хуацяо законопослушны, трудолюбивы и предприимчивы и предпочитают социальным пособиям возможность самим зарабатывать деньги. Они приучены к ограниченной рождаемости и деполитизированы. Китаянки не сидят дома как мусульманки, а работают, приумножая налогооблагаемую базу страны приютившей их.

Отмечая особенности мусульманских диаспор Англии автор выделяет турецкую как более культурную, у которой основным признаком самоидентификации является не ислам, а признак крови (с. 45-46) и относит это на счет успехов пантюркизма. На наш взгляд, более правильным было бы обращение к истории Османской империи и к политике М. Кемаля и его последователей, которые с 20-х по 90-е гг. XX в. выдавливали ислам из всех сфер жизни общества. Что же касается идеологии пантюркизма, то пока она так и осталась благим желанием ее носителей. Реализация ее основных положений слишком затратна для Турции и не по силам ей.

Весьма сложной для диссертанта проблемой стало определение доктринальной ориентации исламских организаций Англии. Он разрешает ее во второй главе. Анализ доктринальной ориентации той или иной организации предполагает, прежде всего, выявление ее политических целей и методов их достижения. В этой связи эксперты по исламу распределяют 650 сетевых исламских организаций современного мира по трем течениям: умеренные или «либеральные», избегающие крайностей, модернистские, пытающиеся адаптировать ислам к современности и радикальные или ультраконсервативные. Что касается первых двух течений ислама, то в

отношении их характеристики существенных расхождений в оценках исламоведов нет. А вот в оценке третьего течения выявился большой разброс мнений и сложились три школы: отечественная, французская и англо-американская. Принципиальным здесь является ответ на вопрос: связан ли ислам с современным международным терроризмом или же такая непосредственная связь отсутствует. Рассуждения на эту тему крайне политизированы и несут в себе мощный заряд конфликтности. Каждая из школ выработала свой понятийный аппарат, который не столько разъясняет, сколько кодирует содержание целей и методов их достижения радикальными исламскими организациями. Маркерами этих организаций стали следующие их определения: «фундаменталисты», «исламисты», «салафиты», «ваххабиты», «интегристы», «исламские радикалы» и ряд других. Все они несут тревожно-угрожающую смысловую нагрузку и пугают обывателя.

Автор диссертации попытался разобраться в этом, опираясь на работы замечательного отечественного востоковеда Александра Игнатенко и сайта «Мусульмане в Британии». Тем самым он оказался в плену понятийного аппарата двух востоковедческих школ и не смог до конца освободиться от этого плена. Утешением может быть то, что в этом плену за редким исключением перебывали все начинающие исследователи. В силу крайней сложности проблемы этот плен можно считать почетным. Не смотря на указанные замечания, автор выходит из доктринальных хитросплетений и иллюстрирует высокую динамику перемен в мусульманских общинах Англии, их электоральную активность, отпочкование от них джихадистов, которых он делит на «проповедников» насилия и исполнителей – «террористов».

В третьей главе диссертации проанализирован феномен неофашизма в Англии, который автор называет «контридеологией» (с. 89). Диссидентом собран и изучен огромный материал и проделана кропотливая работы по исследованию идеологии неофашизма. Он показывает становление и трансформацию радикальных националистических движений Англии 60 –

70-х гг. XX в. в фашистские и ранжирует неофашизм на «партийный» и «уличный» (с. 89). По мнению диссертанта в 80 –е гг. «классический партийный» неофашизм утратил социальную базу, которой лишили его реформы Маргарет Тэтчер. Но он не умер, часть неофашитов ушла в уличные движения, а другая, оставшаяся в партиях, трансформировалась в антиисламские, антиджихадистские. Верность выводов диссертанта, на наш взгляд, блестяще подтвердили только что прошедшие выборы в Европарламент, о чём мы уже упоминали.

Четвертая глава посвящена исследованию антиджихадистской идеологии и политических организаций Англии, которые её исповедуют. Раскрывая эту проблему, автор совершенно обоснованно, на наш взгляд, выходит за страновые рамки Англии и обращается к материалу Европы, сравнивая антиджихадистские партии Великобритании с аналогичными организациями других стран. По нашему мнению, работа проделанная автором в этой главе существенно добавляет научной новизны и расширяет наши познания об этой стороне политической жизни Англии. Исследуя эту проблему, автор вынужден выходить на предметное поле геополитики и подчас принимает закрепившиеся в англо-американских геополитических школах спорные тезисы об исламе. По меньшей мере он их не оспоривает, не выражает своего отношения к ним (с. 123-124).

Весьма убедительным и взвешенным, вытекающим из материала глав является заключение, структурированное в семь выводов, в которых даются ответы на поставленные во введении задачи. Выводы являются, безусловно обоснованными, подтвержденными главами диссертации.

В заключение рассуждения о проделанной автором работе и ее особенностях считаем необходимым высказать некоторые замечания, которые вовсе не умаляют ее качество и научную значимость, а могут рассматриваться как пожелания, рекомендации для будущей работы.

Первое. Любой исследователь, начинающий заниматься современными исламскими организациями, тут же встречается с определениями

«фундаментализм», «фундаменталисты», которые в интерпретации многих тождественны понятию «терроризма» или «ультрарадикализма». Вместе с тем фундаментальные ценности ислама и фундаменталистский ислам в его кораническом прочтении угрозы миру, христианской цивилизации не представляют, ибо они требуют от власти быть моральной и ответственной перед обществом, с этими ценностями мусульмане, завоевавшие Пиренеи, принесли в Европу идею равенства и социальной справедливости, равенства всех перед законом, сформулировали постулат о праве народа на смену власти, если она забывает об его нуждах. Я уж не говорю о великих достижениях науки, которыми Европа обязана исламу. Угрозу представляют искажения фундаментальных ценностей ислама, их вольная интерпретация в угоду тех или иных личностей, социальных групп или политических организаций. Но религиозным экстремизмом более богата история христианской Европы с ее крестовыми походами, кострами инквизиции религиозными войнами.

Второе. Опрометчивым является набившие оскомину утверждения об отсутствии в исламе церковной иерархии «даже в рамках одного течения ислама» (с. 65). Этот тезис, периодически обновляемый пропагандистами ислама, пришел в востоковедную науку и в исламоведение, хотя казалось бы очевидным является то обстоятельство, что ни одно сообщество людей не может быть таковым без организационной структуры. У мусульман Советского Союза было четыре ДУМа, после его распада в каждом субъекте РФ появилось по несколько ДУМОв, только в Москве их два. В каждом городе исламского мира есть муфтии и кадии, в каждой стране есть Верховный муфтий, у шиитов – аятоллы, во главе каждого суфийского тариката (а это народный ислам) стояли и стоят шейхи, использующие учеников, в своих личных целях, не всегда благовидных. Церковная иерархия сложилась в исламе XII в., к концу периода расцвета исламской цивилизации. Разумеется, она отличается от христианской, она ближе к

иудейской, однако она более открыта, она не спрятана от уммы, она у нее на виду.

Третье. Автор фактически соглашается с расхожим в западноевропейском востоковедении тезисом о том, что антиджихадизм как политическая идеология сложился на рубеже XX – XXI вв. на базе геополитической концепции С. Хантингтона о конфликте цивилизаций. На наш взгляд, это не совсем верно, так как в основе антиджихадизма лежит банальная исламофobia, утверждение о том, что в отличие от иудаизма и христианства, ислам является не религией, а тоталитарной идеологией, толкающей людей на террор, войны с неверными. Страх перед исламом у европейцев появился еще в VIII в. после завоевания маврами – читай берберами Пиренейского полуострова и южной Италии. Этот страх стал патологическим во времена расцвета Османской империи. С тех пор и поныне европейские политики спасают христианский мир от наступления ислама, но этот мир, почему-то в начале XXI в. утрачивает последние черты христианской этики и морали, а ислам с 70-х годов XX в. переживает ренессанс. Мусульмане Англии, как и в других европейских странах, на фоне деградации христианской цивилизации ощущают свое цивилизационное превосходство. Антиджихадизм – это политические конвульсии старой Европы: мусульмане уже стали частью населения европейского дома, они не желают принимать христианско-иудейскую мораль и этику Европы, они не «переплавляются» в европейском котле, они не встраиваются в христианскую цивилизацию, а остаются инаковыми. Полвека их держали в пристройке, пригороде европейского дома, а в конце XX в. они заявили о своем желании жить на равных в этом доме. Реакция на это желание и есть, на наш взгляд, антиджихадизм.

Высказанные замечания и рекомендации не меняют высокой оценки проведенного исследования. Николай Александрович Мязин своей работой вносит существенный вклад в изучение малоизученной актуальной проблемы. Проведенное исследование, бесспорно, имеет практическую

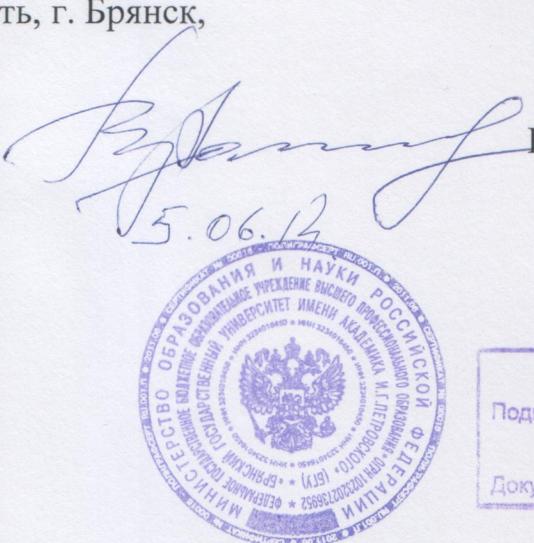
значимость, поскольку его результаты могут быть использованы в подготовке аналогичных исследований по другим странам, в учебном процессе, при написании учебных пособий.

Автореферат диссертации и публикации автора, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК («Вестник Пермского университета», «Вестник КемГУ»), отражают основное содержание работы.

Как официальный оппонент считаю, что диссертация Н.А. Мязина соответствует требованиям Положения ВАК о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий. Соискатель заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВПО «Брянский государственный
университет имени академика И.Г. Петровского
241036, Брянская область, г. Брянск,
ул. Бежицкая, д.14.
тел. 8 (4832) 66-66-45

Ранчинский В.П.

Подпись	V.P. Ranninsh
заверяю	заключено
Документовед	